

Летящая стрекоза по имени Мона

Да уж точно по небу летящая, да такая летучая, что некоторые, из летающих и пикирующих, даже рядом с ней не стояли. В прозрачных платьях из люрекса, которые искрились на солнце, купались в гипюре, отороченных фиолетовым цветом малиновых кружев, с обязательным атрибутом этого ношения одежд – большой сиреневой шляпы. Полная противоположность прозрачного одеяния были короткие юбочки из органзы или плюша с неизменными полупрозрачными кофточками из цветного шёлка. И, конечно, отдельно о стразах - а-ля Сваровский: они висели или были вшиты мелкими камушками, от рубиново-разгорающихся до иссиня-чёрных висюлек, на её платьях, кофтах, шортах, джинсах... и сдаётся мне, что и нижние трусики не были обойдены таким стеклянным вниманием тоже. Ходила она семенящей походкой гейши, как переполненная вытянутая рюмка, боясь расплескать своё содержимое и не донести себя до объекта только ей ведомых вожделенных желаний, с туго перетянутым змеевидным шагреневым ремешком, который так выразительно и хищно обозначал талию кукольной Мальвины. Всё меркло перед этим радужным созданием, включая и такой любимый атрибут моего детства, как светофор.

Под разрезами её одежд призывно проскальзывала телесно-бестелесная жертвенная кожа с веснушками, обещающее нечто земное и вполне доступное, замешенное на любви, и лёгкой оторопи от того, что это летает, светится, шуршит, и ждёт (ведь видно, что ждёт) какого-нибудь пикирующего сверху стрекозила. Лукавые локоны волос, завитые в свисающие канделябры и подбитые снизу цирюльником в полукружья, вздрагивали при ходьбе как колокольчики, тряслись всей дрожью неосознанных, но вполне земных желаний, а какая-нибудь, нелепо пеленавшая цыплячью шею, косынка, путалась в её волосах, вилась-билась красной змейкой на ветру, словно навигатор показывающей маршрут стрекозы. Сходство с этим парящим существом имело продолжение в виде огромных в пол-лица линз модных затемнённых очков, а заканчивались всё это ладно скроенным телом женщины-подростка. Иногда во время своего пролёта-ходьбы она внезапно зависала, над лопухом с цветными колючками или полевым цветочком, тихо ахала при виде незатейливо дворово-полевой красоты творца, стояла в раздумье, и затем, что-то решив про себя, встряхивала своей головкой и парила дальше. Приехавшая с семейством её пенсионерка мать называла вполне домашнее существо просто Мальвиной (так была она обозначена в метриках), а муж ещё проще - Монею. Интерьер

семейной идиллии завершал долговязый сынок-акселерат, всё время дебилно озирающейся по сторонам, он закрывался от всех глуповатой приклеенной улыбкой дурочка или клоуна. Домашние его звали Вовка.

Приехавшая семья была из Казахстана, волею судьбы, летящих и парящих, занесло на Волгу, где в городке Октябрьск проживали их родственники. Они на время остановились у них, а потом полетели по окрестным городам и весям искать подходящее жильё и какую-нибудь не пыльную и не затейливую, но хорошо оплачиваемую работу.

Время 90-х годов, ушедших уже в прошлое, когда тектонические разломы проходили не столько по территориям бывшего союза нерушимых республик свободных, обособив и расколов некоторые из них так, что во многих из них возобладал национализм. Лизнувший инородцев своим огненным языком, он, походя, сдвинул с насиженных мест русскоязычное население. Реально опасаясь за свою жизнь и близких, многие побежали без оглядки целыми семьями на историческую родину, которая за время их отсутствия напрочь забыла об их существовании. Бежали в поисках мест обетованных, где не особо-то их и ждали, тем более привечали. Не помнящая своих детей родина объятья свои распахнуть не торопилась. Жильё на новом месте, куда приезжали, надо было ещё купить, (а на что?..), так как своё было продано в бывших республиках за бесценок или просто брошено. Надо было искать подходящую ещё работу (по специальности найти уже не рассчитывали), и не факт, что ты её ещё найдёшь, а уж затем понемногу обустриваться, и налаживать свою было прервавшуюся жизнь. Но самое, пожалуй, интересное - возвращающиеся соотечественники были с менталитетом коренных народностей, откуда они прибывали, и где, как огурцы, пропитались этим восточным рассолом – лукавства, замешенного на обмане, и неги, что не особенно нравилось коренному населению, то есть местным. Их не то что не любили, но особо не жаловали. «Понаехали тут...» - это как раз было про них. Тем более что повод приехавшие для этого давали сами: хитрили, ловчили и, как замечали местные аборигены, при случае уходили в несознанку. Мол, «моя - твоя не понимает, сами мы не местные, и вашим правилам не обученные». Так как Ташёлка за последние двадцать-тридцать лет прирастала в основном за счёт «понаехавших», поэтому на шалости новой волны мигрантов народ смотрел снисходительно. Сами в их шкуре побывали, знали, что это такое.

Ну, вот как-то так - понемногу все и обустривались. Не стало исключением и семья Кургановых: купили себе небольшой домик с литыми

стенами и большим огородом и начали запасаться бросовыми стройматериалами для того, чтобы построить баньку, сарай для скотины и прочие полезные в хозяйстве пристройки. Да и сам приобретённый домик тоже нуждался в ремонте. Первым работу нашёл глава семейства, с рычащее-тархтящем именем, в котором слышались отзвук покорителя казахстанской целины его отца, который так незатейливо назвал своего сына. Хотя и представлялся он всем как Тимофей, но по паспорту поименован был как Трактор Иванович. Коренастый, ноги кавалериста, с хитровато-простодушным лицом, Трактор косолапил по улочкам и проулкам деревни, подбирал всё, что плохо лежало: доски, сколотые кирпичи с поржавевшими трубами и отвозил на «Ниве» с прицепом домой. Словом запасался на все случаи жизни. Работу в совхозе он получил не плохую: стал водителем молоковоза.

Название совхоза имени Менжинского, куда они перебрались и где осели, периодически менялось то на колхоз, то наоборот, пока, уже в более близкие к нам времена, хозяйство в духе времени, сделалось акционерным. В совхозе ещё числилось небольшое стадо коров. Это уже последующие председатели и директора пустили бурёнок под нож, изведя трёхтысячное стадо со свинофермой в придачу. А пока, каждый день в обед, Трактор подъезжал к дому на молоковозе, снимал щипцами пломбу с крана, Моня уже заранее стрекозила к супругу с флягой, и пенная струя утreshнего молочка заполняла её до краёв. Вороватый семейный подряд отвозил слитое молоко на тележке во двор, а потом начиналось самое интересное: Трактор Иванович приносил обратно пустую флягу, наливал воды из колонки, корячась, с матюгами затаскивал её на верхушку цистерны и, открывая в ней люк, женил молочко на свеженькой воде. Ошарашенная деревня, молча, наблюдала за не хилым размахом этого вороватого священнодействия почти каждый день. Все люди в советские времена тащили из совхозов-колхозов, но тайно, ночью, понимали, что воруют и поступают не хорошо, но тяга к зелёному змию перевешивала. Потом и предлагали за бутылку водки, то пару мешков с зерном, то дроблёнку для скота или то, что с утра им заказывали соседи. Проживавшая рядом с ними, словоохотливая - баба Нюра главу семейного подряда даже как-то пожалела: надорвёшься, Тимофей, (он же Трактор) вам ведра молока на всех за глаза бы хватило. На что тот зло по обыкновению своему отшутился – «мол, чего лезешь, своё беру». Но ведь надорвался же: полгода работал, затем полгода болел и представился. Вот такой, скажем, маленький срок отпустил Господь Трактору Ивановичу на новом месте. И пожить не пожил – только бога насмешил. Мальвина

погоревала, но недолго, всех приходивших проститься с покойным встречала восторженными словами, которые она адресовала, лежащему в гробу мужу: «Вы только посмотрите на него какой красивый, он при жизни таким никогда не был, бог только избранных к себе призывает». И слёзы как бусинки, словно по заказу, прыгали из её размытых тушью глаз. Приходившие соседи с удивлением глазели на подкрашенные губы и брови покойного, дивились на макияж, молчаливо шарахались от такой непонятной и экзальтированной вдовы и спешили уйти. Моня провожала уходящих, и, встречая других, вновь подошедших, снова начинала горевать. Но разве можно остановить жизнь?..

Была середина лета, солнце буйствовало на запылённых обезлюдивших улочках и проулках села, загоня окрестных собак и птиц в тень тополей и берёз, только бронзаликая Моня своей жертвенной фигуркой парила по селу, подставляла взбесившемуся солнцу все открытые и доступные места для обзора, и её увидели. Кто-то из мужичков перекрыл ей крышу, кто-то сделал капитальные ворота и забор, нанятые ею джамшуты (имеются в виду - таджики) сложили из самана и камня сарай. Колесо стройки понемногу, медленно, но раскручивалось. Мальвина Петровна устроилась где-то завхозом, её мама получала достойную пенсию, только сынок Вовка нигде не работал, вытянулся с коломенскую версту, покуривал набитые коноплей сигареты и плотно сидел на колёсах (таблетках). К его привязанной ко рту улыбке теперь добавился кудахтающий булькающий смех.

К экзальтированной чаровнице мужички летели как мухи на мёд. Кто-то из них задерживался: год-полтора что-то строгал, пилил, копал и куда-то пропадал, видимо, измождённый любовью и постоянной работой. Но проходило совсем немного времени, как на смену ему приходил другой, жаждущий ласки и любви Ромео, и вахта труда, и сердечных чувств, с изнуряющей близостью, продолжалась, без конца и без края.

Жизнь в замкнутом пространстве села тем интересна и неожиданна, что нет-нет, да преподнесёт какую-нибудь загадочную, которая вскоре обнаружила себя в лице потомственного индийского принца Рабиндраната, напрашивается Тагора, но нет, он не был поэтом. Сдаётся мне, раджа, как окрестили его в селе, был с большой примесью цыганской крови. Как говорят разные источники: цыгане пришли к нам (как и во все другие страны) из Индии, поэтому можно было согласиться с тем, что он индеец - принц, залетевший в Ташёлку, непонятно откуда и зачем. Индийский стрекозил, увидевший стрекозившую на задворках деревни Моню, спикировал на неё

так внезапно и неожиданно, что она не сразу сообразила - откуда это заморское чудо, которое обнаружилось в лице этого загадочного существа. Совсем уже не молодой, затасканный обстоятельствами жизни, где само время оставило на нём свои отметины. Одет он был в засаленный когда-то красивый халат, с уходящими за горизонт слонами разной величины, с нелепо свалывшимся красным тюрбаном на голове. Незнакомец певуче вытягивал странные слова на каком-то малопонятном языке, в его руке был колокольчик, который тот прятал в рукаве своего халата, время от времени позванивал им и растекался улыбкой на смуглом заросшем щетиной лице. Увидевшая и скорее ощутившая такое бескорыстное проявление симпатии к её персоне, Мальвина на уровне своего чувственного знания поняла это – он. Поэтому все эти Петьки, Ваньки и Валерки, Кольки и Сашки... слетели, как одинокая пожухлая листва на вновь зазеленевшем дереве, душа её затрепетала и возжаждала чего высокого и такого осязаемого.

- Ты кто?.. – восхитилась Мальвина Петровна при виде нелепой клоунадности одежд незнакомца, почувствовав в нём близко родственную душу.

Когда он певуче вытянул своё долгое заморское имя, и, сложив ладошки, поклонился ей, Моня подхватила его под руку, и они пошли. Шли весело, как старые давние знакомые, и заразительно при этом смеялись. Она привычно наклонялась над собранием репейно-крапивного кружева деревенских задворок, ахала при виде окучивших сладкое собрание полевых цветков мохнатый шмелей и пикирующих сверху на цветные колючки ос и пчёл, и вдыхала полузабытый аромат цветочной пыльцы и сладковатого запаха перегнившего листьев.

Всё было, как и прежде, и чувства, и мысли, и то непонятное, что наполняло и теснило грудь, когда она только приехала.

- Ты куда этого нищеврода тащишь?!.. – встретила у порога в штывы её престарелая мамашка, с очень практичным и приземлённым умом женщина, которая, увидев импозантную пару, на раз просчитала, что пользы от этого заморского гостя никакой не будет, а лишней рот в доме был не нужен. Тем более Рабиндранат, как только переступил порог, известил, всех находящихся в доме, длинным перезвоном колокольчика: динь-динь-динь-дилинь...

Наглотавшийся с утра колёс Вовка, который решил, что его уже так вставило и пошли глюки, чуть было не прошёл насквозь через индийского

гостя, закрывавшего проход в коридоре, едва не уронив заморское чудо на пол.

- Отстань,- зло бросила она матери, которая её в последнее время всё больше раздражала.

- Прибабахнутая... - только и сказала она дочери.

При всей практичности своей дочки, которая ночами вытягивала из мужиков всё, на что они ещё были способны как мужские особи, она ласкала гендерных пришельцев, одаривая по-женски непривычной и давно забытой лаской с той трепетной страстью, на какую ещё была способна. При этом умудрялась находить к каждому такие подходы, что те отдавались строительным и прочим работам по хозяйству и дому с той же сумасшедшинкой, как и в постели слегка повёрнутой на любви хозяйки.

- Ты зачем сюда этого раджу притащила? – не удержавшись, она всё-таки вошла в комнату к Мальвине.

- Отвянь,- ответила ей Моня словечком своего сына, - что-то и для души, должно быть!

Ей понравилось то, как назвала её мать незнакомца, потому что запомнить его имя с первого раза не удалось, а гость при слове «раджа» что-то такое радостное залопотал и почтительно поклонился мамаше.

- А эти, которые у тебя за всё это время перебивали, они по какой части проходили? – съязвила в ответ ей мать.

Скандал, который уже был почти готов, созрел, и только надо было ещё пару раз цапнуть друг друга и обидеть, вдруг прекратился и увяз в летней кисее перегретого и настоявшегося за день воздуха в доме.

Привыкшая к причудам дочери, Татьяна Николаевна (так звали мать) тяжело вздохнула и вышла из её комнаты. Мальвина быстро вскипятила чай и принесла на блюдце горку сладковатых пирожков со щавелем.

- Ты кушай-кушай, вот сахар,- улыбаясь, она стянула с его головы красный тюрбан.

- Какой ты, однако, кудрявый, сейчас баньку истопим, помоешься и расскажешь: откуда ты такой чудной у нас появился.

Она привычно истопила баньку и повела туда гостя. Заморское чудо без стеснения обнажило свои смуглые волосатые чресла в предбаннике и решительно шагнул, во чрево жарко протопленной бани. Моня по-женски оценила всё, что имел при себе в наличии её гость. Судя по тому, как ловко управлялся он с печкой и веником, париться и мыться ему доводилось не в первой раз. Мальвина Петровна бросила в стиральную машину его одежду, приготовила на смену нижнее бельё покойного мужа, и сев за трюмо, занялась собой. Уже года два она пристрастилась к чтению женского журнала «Лиза», в котором печатались разные нравоучительные женские истории, скажем, про алчных не работающих детей и содержащих их родителей, рекламировалась женская мода, по выписке предлагалась бюджетная косметика и на выбор - кухонные блюда народов мира, незатейливо дешёвых и непременно вкусных. Последний номер пришёлся как нельзя кстати: большая часть журнала была посвящена индийской культуре. Она внимательно пробежала по женским украшениям и одежде, достала косметичку и стала срисовывать с симпатичных мордашек индийских танцовщиц их макияж, нанеся чёрным и синим цветом глубокие полутона и оттенки, особенно возле глаз. Подведённые глаза её ожили и таинственно заиграли. Все поэты мира, особенно, индийские, как писали в журнале, просто мечтают утонуть в мерцающих и зовущих глазах своей возлюбленной. Мальвина только представила себе длинную вереницу перебивавших у неё кавалеров, с похотливыми и жадными глазами, лишённых всяких чувств и лапающих её, скорее по привычке, что только вздохнула. Она удлинила глаза тушью, выделила ресницы и брови ещё более жирной текстурой, и лицо Мальвины Петровны стало кукольно красивым. В щепотку хны она подмешала ярко-алой акварели, накапала туда воды, замешала всё и сделала себе на лбу «бинди» - красную точку, символизирующую магический третий глаз. Если (как прочитала она дальше в «Лизе») ваш правый глаз видит прошлое, а левый настоящее, то бинди прозревает будущее. Чтобы наведённая хна не пропадала она взяла несколько деревянных зубочисток и, макая их в блюдечко, стала наносить «мехенди» на кисти рук – точечный орнамент, который бисером опоясывал пальцы, ладошки и жертвенно светившихся на свету её запястья. После чего она принесла из своей спальни украшения, хранившиеся в её непробиваемом железном ларце сейфе, что являлось постоянным искушением её Вовки, тащившего из дома ради своих колёс, что только под руку попадалось. Мальвина достала из резной шкатулки украшения, привезённые из Казахстана, разделась по пояс и своей предвечерней наготой стала приготавливать себя к чуду. Старинное потемневшее за временем серебро в

виде большого колье пластин (хаара) укрыла её грудь, усыпанное рубинами с сапфирами, камушки ловили остатки солнечного света и внезапно загорались. По семейному преданию это было не просто колье, оно также играло роль защитного и приворотного амулета. Моня никак не могла понять его подлинную сущность, поэтому надевала колье на все случаи жизни – и себя защитить, и понравиться. Немного подумав, она сняла тёмный отлив тяжёлого украшения, надела кофточку песочного цвета и снова водрузила позванивающую красоту на место. Продолжением колье, конечно, были «сары-пхул» – серьги в ухе (дословно, цветок в ухе). У Мальвины Петровны были вытянутые мочки ушей, как у Будды (не такие большие и мясистые, но в чём-то похожие), такими же мочками (более изящными) была отмечена и царица Клеопатра. Мальвина Петровна решила, что красота не должна пропадать, и украсила свои уши тоже. Утяжелив и вытянув мочки ушей, золотыми пирамидками серёжек с мелкими бриллиантами, она вспомнила о своём аристократическом прошлом. Ей всегда казалось, что в их роду были только дворяне. У грациозных индийских танцовщиц и манекенщиц Моня также усмотрела тикку (тика) – подвеску с кулоном, представлявшую собой цепочку с крючком на одном конце и кулоном на другом. Её цепочка была украшена камнями из зелёного малахита, которые притягивали и завораживали. Мальвина укрепила тикку вдоль своей головы так, чтобы кулон располагался в центре лба, скрепила его конец с пучком волос заколкой на затылке, надела на себя платье, чем-то напоминавшее индийское сари и, перекрестившись на икону, пошла в баню, где в предбаннике давно томился умытый заморский гость. Облачённый в мешковато-белёдые вытянутые на коленках тренчики и в такой же несуразно большой футболке, раджа увидел разукрашенную хозяйку и остолбенел. Мальвина где-то понимала, что выглядит как новогодняя ёлка, но ей так хотелось напомнить ему о забытой им далёкой родине, что рискнула так аляписто и безыскусно одеться, а этот никак всё не сообразит, что делают индийские мужчины в таких случаях. В детстве она очень любила смотреть индийские фильмы, но там гендерные пары образовывались и любили друг друга больше в песнях и танцах, по ходу развития сюжета фильма очень переживали взаимные измены и обиды, поэтому на совокупление сил у них не оставалось.

Моня тем временем уже во всю лицедействовала, игриво покачивала бёдрами и подпевала себе что-то на мотив ... интигдама-интигдама-интигдама. Как говорится, индеец индианку видит издалека: Рабиндранат зазвонил в колокольчик, Мальвина разбросала руки над головой, унизанными разнокалиберными кольцами с перстнями, и пара зашла в чувственном

танце. Так песни и танцы образовали непонятную пару, даже Мальвина порой не могла понять, что их так может сильно связывать. С небольшой сумасшедшинкой в глазах, которой отмечены только избранные, они ловили посланный им всевышнем знак и упоительно хохотали. Иногда к их веселью присоединился деревянный смех Вовки, который, наглотавшись очередной дряни, присоединялся к этой общей радости на всех. Только одна баба Таня понимала, что дом понемногу превращается в палату номер шесть и молчаливо сторонилась всех веселящихся. Зато Моне по ночам стали сниться цветные сны об Индии, которую она никогда не видела.

В том, что всё так совпало, не было ничего особенного: встретились два, повёрнутых на своих комплексах человека, и снизошёл на них тот долгожданный покой и радость, к чему так стремятся люди, обделённые этим по жизни. Раджа купил на местном рынке всяких восточных специй и щедро приправлял им блюда, которые в своих неожиданных вкусовых сочетаниях, приобретали тот неповторимый аромат и вкус, что делали их непохожими на то привычное, что ты обычно повседневно ешь. Единственное, что не особенно нравилось, после принятия пищи - это сладкое послевкусие, терпко заполнявшее рот и долго державшееся на кончике языке.

Иногда заморский гость возжигал на кухне фимиам, и сладковатый запах сандалового синамона, разгоняемый вентилятором, медленно растекался по дому, заполняя собой все имеющиеся пустоты. Также Рабиндранат, когда переваливало за полночь, мог часами сидеть в окружении своих сандаловых палочек, и Индуистской троицы – Тримурти: Браммы, Шивы и Вишну, цветное изображение которых было вырезано из глянцевого журнала и лежавшее перед ним. Куда уходил он, в каких нирванах витал, кого звал в колокольчик во время своих ночных молитв и бдений, пускаясь в странствия? Когда Мальвина – любопытная от природы просила рассказать об индийских богах, он обычно молчал или изъяснялся такими максимами, что уловить их суть она, конечно, не могла. Даже если очень сильно хотела. Ну, какие мысли может вызвать хотя бы то, что на вопрос - кто это? Отвечал: «Это есть великое Ничто и одновременно великое Всё».

Когда старшее поколение в лице бабы Тани пыталась приобщить, прибывшего к их дому странника, к традиционному мужскому промыслу – огород там вскопать, курятник подправить или сделать иную мужскую работу, тот, кротко улыбаясь, говорил: «Мне этого делать нельзя». И в подтверждении сказанному обращал свои глаза к небу. Старшее поколение из рода Кургановых шёпотом материлось и уходило.

Вся бы эта история ещё некоторое время телепалась, плелась и, наверняка бы, закончилось ничем, хотя я могу и ошибаться. Моня уже периодически скучала, эти ритуалы и ночные бдения и его - такая непонятная и недоступная её пониманию духовность чужой культуры поначалу забавляло, но временами понемногу стало давать повод для раздражения. А пока эта шальная пара, всё ещё шелестела по задворкам - улочкам и проулкам села. В карнавальности затянувшегося праздника повседневности, вся love story понемногу продолжалось, время вращало лопасти жизни, но ручеек любви мелел и вовсе грозил уйти в песок. Вмешался его величество случай: бабка Таня была на местной почте, из-за пенсии, которую почему-то задерживали. В углу почтового отделения, на доске с таким не презентабельным названием: «Их разыскивает полиция» увидела до боли близкое лицо Рабиндраната. «А батюшки,- выдохнула она, - Раджа, куда он там вляпался, но какой этот паскудник здесь молодой». Она подошла к доске и незаметно сняла растиражированное объявление о розыске заморского обаяшки. У дома, где у забора была вкопана небольшая скамейка, присела и внимательно прочитала текст, напечатанный под его портретом. Кто же сказал, что не может быть правдивей и фантастичней самой сказки, если только не сама сказка, которая разворачивалась в истории его жизни. Да, он родился в Индии, в городе Джайпуре штата Раджастхана. Вот почему он так расплывался в улыбке, когда она называла его Раджой. Она прочитала о том, как во времена Советского Союза его послали на учёбу, что по окончании вуза он женился, но возвращаться почему-то не захотел и вот лет двадцать колесит по бескрайним просторам второй родины с периодическими остановками, то в интернатах для престарелых, то в психоневрологических пансионатах. Чудо с мозгами инженера могло починить любое техническое изделие. Поэтому он везде был вхож, его привечали. Последним прибежищем Раджи был психодиспансер где-то в Ульяновской области, откуда он три месяца назад как ушёл, попутно прихватив с собой деньги из сейфа бухгалтерии. Татьяна Николаевна дотошно дочитала всё написанное до конца, и, недолго думая, решительно направилась на почту, где заказала переговоры по одному из номеров, указанных в розыскном извещении. Спустя некоторое время с чувством глубокого удовлетворения она пришла домой, попила чайку и прилегла. В последнее время она сильно нервничала, обозначавшаяся проблема в виде незваного гостя всё никак не решалась, а тут... Особенно её грели слова, которые она услышала, когда всё рассказала: «поняли, спасибо, выезжаем». Перед тем как уснуть она повторяла их как молитву. И, действительно, к вечеру приехала целая бригада: трио в синей униформе санитаров вместе с врачом, в сопровождении двух местных

полицейских. Первым их заметил окумаренный Вовчик и, подумав о том, что мать всё-таки привела в исполнении свои угрозы, побежал в огород прятаться в грядках от дядек-полицейских. Моня была в шоке от дневного дозора гостей, и с ней стало плохо. Очнувшись от запаха нашатыря, она пробовала заявить о своих правах, потребовав от правоохранителей ордера на обыск, чем здорово развеселило приехавших. Ей сунули под нос розыскной лист с изображением Рабиндраната со словами – преступников, гражданка, укрываете? Мальвина с минуту бессмысленно изучала изображение заморского гостя, и ей снова поплохело. Тем временем Раджу санитары притащили из баньки, где он - патологический чистюля, устраивал себе постирушки. Внешне он держался спокойно, даже пробовал шутить, но затем в нём словно что-то замкнуло: рот его стал кривиться, вытянув свои чувственные красные губы, он попытался что-то сказать, но... врач кивнул санитарам, те быстро закатали ему рукав рубашки и сделали укол. В пляшущий рот Раджи доктор высыпал горсть пилюль. С застекленевшими глазами его усадили на табуретку, он сложил руки на коленках и как дрессированный кролик замер, ожидая только команды. Полицейские заполнили необходимые бумаги и дали Мальвине Петровне в них расписаться. «На выход!» - После подписания протокола кивнул ему один из участковых. Осунувшейся, с трясущимися руками Рабиндранат мелкими шажками засеменил к ожидавшей их машине. Крепившаяся изо всех сил Моня по-бабьи, навзрыд, повела тонким голоском возле него, но тот, под воздействием нейролептиков, норовил завалиться набок, и казалось, никого не замечал. Когда машина тронулась, Мальвина, с прыгающими бигудями на голове, побежала за ней, что-то кричала Радже, который, как маленький божок, смотрел из-за стекла фургона и улыбался чему-то своему замороженным взглядом.

Что-то оборвалось у неё внутри, лопнуло и зазвенело, как проснувшейся комар. И как сказал поэт: «...вот и лето прошло, только этого мало». Мало оставшейся жизни, мало красивых цветных снов, что ни придут к ней больше, и совсем мало осталось надежды на то, что завтра будет лучше, чем вчера. Словно уходящая натура слегка приоткрыла ей дверь, за которой струился бездонный свет.

Мишка Афган, он же Мохаммед Али.

- А бля!.. Су.., сволочи, гандоны.., - заходился в чувственном неприятии враждебного для него мира Мишка, хлебнувший после баньки суррогатного спирта, которую он срубил сам, и куда на время его возлияний прогоняла жить супружница.

- Выходи, козлы!.. Я - Мохаммед Али! Великий и беспощадный! Никто ко мне не подойдёт, а если подойдёт – не уйдёт. Отымею любого, только так!.. Вперемешку с матом рекламировал своё агрессивное боксёрское либидо Мишка Афганец. На своих едва гнувшихся ногах, он загребал руками воздух (делал что-то подобие стойки боксёра), пытаясь срубить одним ударом только ему одному ведомого противника.

- Что забздели, гады!.. - свои спёртые от злости тирады и обличающие филиппики, он адресовал жилому двухэтажному, вытянутому до двух подъездов дому-бараку, в котором мирно спали и также мирно сосуществовали его соседи и где со своей семьёй обитал он и сам. Как правило, обличать, материть и вызывать желающих на бой Мишка проделывал исключительно в ночное время, когда все давно уже спали. Иногда на его звериные вопли выходил Гена Мокроусов, у которого от публичных выступлений бесноватого соседа с давлением лежала жена, и не спали перепуганные воплями ташёлкинского Тарзана внуки.

- А... вышел! – заходился в дикой радости Афганец, - изрыгая из себя, весь набор табуированной и известной ему с детства лексики. Что творилось в его проазиатской башке, с вытянутыми скулами, какие мысли бороздили его мозг и наполняли энергией тело, никто не знал. После матерной словесной перепалки с Генкой он либо снижал градус своего очередного обличения и развязанным языком, как пулемётчик, строчил только одно слово, отсылавшего всех и вся к известному половому органу. Мишку аборигены села и соседи за это не били, хотя повод он давал сам, знали его с детства: воевал в Афганистане, был ранен, как-то зимой, пьяный попал под грузовик, встреча с которым кончилась трепанацией его черепа в нейрохирургии. Провалявшись с месяц в коме, он едва после этого выжил. Поэтому водка ему шла только во вред.

На следующее утро соседи и все кто не относился к ним, но слышал его концерт: «Спокойной ночи, земляки», дружно материли социально близкого им Мишку, воплотившего своё эго в Мохаммеде Али, и, не сговариваясь, по-русски и молчаливому согласию, прощали. Тем более что трезвым он был кроткий, как ягнёнок. Здороваясь на следующий день с соседями, прятал от них глаза, и непременно просил у каждого, сделавшего

ему замечание по поводу его очередного пьяного заскока, прощения. Иногда он мог угомониться и сам, если этого не происходило, то кто-нибудь из доброжелателей вызывал полицейский патруль, который никак не хотел выезжать на эту бытовуху, а если иногда забирал колобродившего Афганца, то через пару дней Мишаня был дома. Когда лицедейство Мишки проходило при его публичном одиночестве, он сильно за это на всех обижался, включал колонки с каким-нибудь разухабистым «музоном» в своей проржавевшей десятке на полную мощь и злорадно наблюдал за тем, как начинают просыпаться жители дома.

- Я - Мохаммед Али! Выходи!.. - в его раскосых глазах и гордом гладиаторском величии была страсть и жажда боя.

Ещё лет десять назад в воспитательный процесс, этого переросшего свой возраст неслуха, подключался отчим, который брал лошадиный кнут, сбивал пасынка с ног, и переносил своё педагогическое мастерство на ладное Мишкино тело. Иногда на смену мужу в процесс воспитательного воздействия вмешивалась его мать, которая от души лупила сынка тоже, но из-за гуманных соображений только прутком. Маленькая, с округлыми формами, мама коршуном вилась вокруг великовозрастного дитяти. Лёжа на спине, Мишка из уважения к родителям поджимал ноги, ловко уворачивался от ударов, но если убедительные средства воздействия настигали хулигана, очень жалостливо кричал. Но время шло, Мишани подкатило под пятьдесят, родители состарились и ослабли, а дитя осталось без родительского догляда. Вот поэтому оно так и куролесило. Конечно, у читателя вполне закономерно может возникнуть вопрос, а почему он, который ни ростом, ни лицом и рядом не стояло с живой легендой, присвоил себе имя прославленного, не так давно умершего американского боксёра Кассиуса Клея, известного у нас и как Мохаммед Али. Причиной всему стал художественный фильм про этого прославленного американца и многосерийная передача на одном из спортивных каналов - бои с участием уникального боксёра из Соединённых Штатов. Сам боксом Мишка никогда не занимался, что это за вид спорта представлял себе с трудом, и когда видел по телевизору квадрат ринга, и машущих руками, словно пляшущих в лёгком подпитии человечков, то сразу вспоминал танцевальный кружок в школе, куда он ходил за неимением чего-то лучшего по настоянию родителей. Мишаня сразу же заценил боксёрские танцевальные «па», когда увидел на ринге знаменитую «бабочку» Али, который тот нередко демонстрировал во время боя, отвлекая своего соперника. Непобедимый чемпион ловко (благодаря своей придумке вытанцовывал полёт мотылька на ринге) вёл бой, сбивая с толку противника,

от души его лупил, иногда открывался сам, предоставлял возможность сопернику стукнуть и ему по морде, чтобы тот не слишком обижался за проигрыш, но при этом всегда неизменно побеждал.

Такое джентльменство в боксе увидишь редко и Мишку это сразу покорило. Боевое лицедейство прославленного боксёра его заводило и приподымало над суровой обыденностью невыносимого бытия деревенского идиотизма и безрадостного прозябания по жизни. Именно тогда он слился с образом Кауссиса Клея и когда напивался, калеченный Афганом и жизнью, он не агрессию являл, а выплясывал на воображаемом ринге бабочку Али. Но разве местное и тупое народонаселение могло возвыситься до столь знаковой детали, этого прекрасного атрибута боксёрского боя, без которого Мохаммеда Али, может быть, и не было.

Так что, виною всему был танец-бабочка, а вы о чём подумали?..